

О душевной и духовной сторонах человеческой ЛИЧНОСТИ

«Душевный человек не принимает того, что от Духа Божия, потому что он почитает это безумием; и не может разуместь, потому что о сем надобно судить духовно» (1Кор.2,14).

Представление о том, что человек состоит из тела и души, есть представление примитивное, далеко не исчерпывающее всей сложности природы человека. В послании апостола Павла к евреям мы находим более детализированное представление о составе человеческого естества. Апостол Павел говорит, что «Слово Божие живо и действенно и острее всякого меча обоюдоостраго, оно проникает до разделения души и духа, составов и мозгов, и судит помышления и намерения сердечныя» (Евр. 4:12).

Душа есть и у животных, но она, согласно повествованию книги Бытия, вместе с телом была произведена землей: «И сказал Бог: да произведет земля душу живую по роду ея, скотов, и гадов, и зверей земных» (Быт. 1:24).

Душа человеческая во многом сходна с душою животных, но в высшей своей части она несравненно превосходит душу животных, а это зависит от сочетания души человека с духом, который от Бога.

«Дух, – говорит еп. Феофан Вышенский, – как сила, от Бога исшедшая, ведает Бога, ищет Бога и в Нем одном находит покой. Неким духовным сокровенным чутьем удостоверяясь в своем исхождении от Бога, он чувствует свою полную от Него зависимость и сознает себе обязанным всячески угождать Ему и жить только для Него и Им («Что есть духовная жизнь»).

«Ты, Боже, создал нас со стремлением к тебе, – говорил еще блаженный Августин, – и беспокойно наше сердце, пока не успокоится в Тебе».

Святоотеческая мысль четко и правильно различает в человеке сферы телесного, душевного и духовного. К душевному относятся литература, музыка, поэзия, то есть сфера изящного во всех ее проявлениях. Ну, а духовное — это вера, покаяние, молитва, пост и прочие христианские подвиги. Христианские учителя отмечают, что душевное делает человека эстетически чутким, утончает его и разрыхляет его душу, но само по себе не спасает. В этом смысле справедливо упрекать деятелей культуры в натяжке, когда они свою работу называют «духовной». Это люди труда душевного. Но обратной стороной медали является также то, что **невозможно дать человеку духовное, не дав прежде душевное.** Об этом пишет апостол Павел говоря что «**вначале душевное, а потом**

Языком нового Завета является язык греческий. Это не случайно. До тех пор, как на землю греческой ментальности были посеяны семена Евангелия, эта земля была вспахана и разрыхлена трудами сотен философов и рожденных от них философских школ. Греки искренне и горячо искали истину. Когда на эту плодородную почву упало Семя Сеятеля, эта почва произвела вселенских великих учителей, святителей, богословов. Такого расцвета богословия, который был на греческой почве, мы больше не видим нигде. И это — яркое доказательство того, какую пользу во Христе приносят дохристианские труды и усилия.

Мы, как обладающие истиной, склонны пренебрегать тем колоссальным наследием дохристианского и нехристианского человечества, которое ведет ко Христу или помогает глубже осознать Христово Евангелие. Нам нужно как бы постфактум, уже будучи христианами, **почувствовать томление души человеческой, нуждающейся в Боге, и ее стремление в поиске истины.** Нам нужно также чувствовать и состояние тех наших современников, которые и сейчас живут вне Христа, ищут Его, пусть даже неосознанно. Весь этот комплекс ощущений дан нам в мировой литературе и искусстве, мимо которых мы не имеем право пренебрежительно проходить.

В повседневной жизни небезопасно
руководствоваться только аскетическим
идеалом Святых отцов. На истинное
подражание их подвигам способны очень
немногие. Если же множество слабых и
неможных тянутся в жизни к достижению
непомерно великих идеалов, то мы рискуем
получить в результате тысячи поломанных
жизней и крушение этих самых великих идеалов.
Неразборчиво предлагая всем подряд высокие
аскетические идеалы, мы рискуем травмировать
души большинства тех, кто нас слушает.
Мы не имеем права пренебрегать душевным
и сразу говорить человеку только о
духовном.

И если Христос близок, понятен и дорог вам, то это главное качество, отличающее духовного человека от плотского, то есть душевного.

Конечно, такой человек проходит некие этапы своего духовного роста от рождения и младенчества до зрелости и совершенства «в меру

полного (духовного) возраста Христа». О таком зрелом христианине, способном различать добро и зло, написано: **«Духовный судит о всем, а о нем судить никто не может. Ибо кто познал ум Господень, чтобы [мог] судить его? А мы имеем ум Христов» (1Кор.2:15,16).**

«**Судит**» (греч. γινώσκω, гиноско) – «знать», «познавать», «узнавать», «замечать», «осознавать», «понимать», «признавать». До чего-то не доходит голова душевного человека. Чего-то он не может постичь, заметить, понять и признать. Что-то ему кажется полным абсурдом, нонсенсом и бредом. Что?

Душевному плотскому человеку кажется невозможным так жить, так относиться к людям, так их любить, так страдать и так умирать за них. Для душевного человека это кажется юродством и глупостью.

Духовный человек обладает способностью от Бога замечать, понимать и признавать все то, что служит к назиданию в вере и совершенствованию характера. Все то, что служит добру и миру. Все то, что есть добродетель и похвала. **И все, что служит к глубокому познанию Иисуса Христа.**

Кто такой духовный человек? Это можно понять из противопоставления человеку душевному, исполненному страстями и похотями . ***«Душевный человек не принимает того, что от Духа Божия, потому что он почитает это безумием; и не может разуместь, потому что о сем [надобно] судить духовно» (1Кор.2:14).***